нину объясняли личной обидой. С. Н. Глинка в своих «Записках» (1895, стр. 87) говорит, что Крылов жил одно время у Княжниных, но затем «оставил Княжнина и шутливым пером в комедии своей „Тартор“ описал в смешном виде домашний быт своего хозяина». Глинка — весьма недостоверный свидетель; в частности, в данном месте «Записок», где речь идет о Крылове, он безжалостно перевирает факты; сам же Крылов в письме-памфлете к Княжнину пишет, что он человек, «который не имеет чести быть вам знакомым». Невозможно сомневаться в истине его слов, если не предполагать, что они указывают на разорванное знакомство, что едва ли вероятно, судя по контексту и по точному смыслу как этого места письма, так и всего его текста. Впрочем, П. А. Плетнев также писал, что Княжнин доставил Крылову знакомство с Дмитревским (Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Полн. собр. соч. И. Крылова, т. I, 1847, стр. XV); Н. И. Греч (?) сообщает (Северная Пчела, 1857, № 147), что Крылов, встретившись в доме некоего драматического писателя, под которым надо разуметь Княжнина, с его женой, был ею обижен; якобы она спросила его, что он получил за свои переводы для театра и, когда он сказал, что он получил свободный вход в партер, которым и воспользовался раз пять, сказала: «Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!» Крылов оскорбился этим отзывом, не отвечал, но решился отомстить и написал комедию «Проказники». . . и т. д. М. Лобанов (Жизнь и сочинения И. А. Крылова, 1847, стр. 67) также говорит, что «вся комедия Проказники есть не что иное, как мщение» (на стр. 17 он пишет: «. . .Говорят, что в ней выставлен на позор целый, весьма известный, дом того времени. . .»). В. В. Каллаш предполагает, что «задетый Княжниной (вероятно, у кого-нибудь из общих знакомых, хотя бы у актера Дмитревского) и взбешенный похищением сюжета (на это есть намек у Крылова, по мнению Каллаша, имеющего, повидимому, в виду „Покаяние сочинителя Крадуна“, стр. 72. —*Гр. Г.*), Крылов написал свой злостный памфлет-комедию» (Сочинения Крылова, I, 269; ср. в статье «Неизвестная сатирическая статья И. А. Крылова», «Русский архив», 1908, II, стр. 145—146). Вопрос о похищении сюжета у Крылова без сомнения тут не при чем. Соответственное место «Покаяния» не имеет явно никакого отношения к Крылову, а скорей всего, и к Княжнину. Что же касается личного мотива озлобления Крылова, то рассказ Греча не заслуживает доверия уже потому, что опирается на факт разговора Крылова в доме Княжнина, что противоречит свидетельству самого Крылова, относящемуся ко времени самих событий. Можно, пожалуй, согласиться лишь с тем, что каким-то образом, прямо или косвенно, Княжнин обидел Крылова, и более серьезно, чем случайной остротой, вложенной Гречем в уста его жены.

Однако невозможно свести мотивы и основания крыловского похода против Княжнина к личной обиде. Настойчивость и в то же